

Единообразие такого подхода выражается в том, что, несмотря на различие в тех терминах, которые употребляются для обозначения понятия «высылка», во всех этих случаях речь идет о принудительном перемещении лиц за пределы государств вне связи с процессами выдачи лиц, совершивших преступление. Данный подход наилучшим образом раскрывается в правовой позиции Комитета ООН по правам человека, который при толковании положений статьи 13 Международного пакта о гражданских и политических правах, указал, что предусмотренные в Пакте гарантии касаются любой формы «обязательной отправки» иностранцев, независимо от того, как этот процесс обозначается во внутригосударственном праве. Примечательно в связи с этим, что в официальном переводе Конвенции на русский язык термин «высылка» встречается, во-первых, в подпункте «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, а во-вторых, в статье 1 Протокола № 7 к Конвенции и статьях 3, 4 Протокола № 4 к Конвенции, несмотря на то, что в оригинальном тексте Конвенции на английском языке в первом случае употребляется термин «*deportation*», а во втором — «*expulsion*». Применяя аналогию указанной выше правовой позиции Комитета ООН по правам человека к данному вопросу, на мой взгляд, терминологические различия в англоязычном тексте в данном случае не имеют принципиального значения, и употребление одного и того же термина в переводе Конвенции на русский язык представляется допустимым.

В целом же определенные различия терминологии могут иметь место во внутригосударственном праве. Специалисты отмечают, что в настоящее время «в законодательстве ряда зарубежных государств (Германии, США, Франции, Японии, Швеции, Швейцарии, Финляндии) встречаются следующие термины, обозначающие различные формы удаления из страны пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших правонарушения: «выселение» (имеется в виду переселение в другой регион страны), «высылка», «выдворение», «изгнание», «принудительная высылка» и др.».

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПАРТИЗАН В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Габеев Н. С., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Проблема определения правового статуса участников неправительственных вооруженных формирований является актуальной как для доктрины международного гуманитарного права, так и для правоприменительной практики. Определение статуса партизан имеет важное практическое значение в силу необходимости выработки четких критериев отличия партизан от наемников, террористов и иных лиц, не отнесенных международным правом к числу комбатантов.

Впервые вопрос о причислении партизан к законным участникам военных действий обсуждался в ходе проведения Брюссельской конференции 1874 г. Несмотря на то, что проект конвенции, предусматривающий отнесение военных законов, прав и обязанностей не только к регулярной армии, но также к «ополченцам и отрядам волонтеров» принят не был, на Конференции было озвучено принципиально важное положение: партизанская война рассматривается как правомерный способ борьбы с неприятелем.

Дальнейшие исследования были направлены на подтверждение или же, напротив, на отрицание такого положения. При этом зачастую доктрина и практика международного права не только не дополняли друг друга, но и принципиально расходились. Так, на Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. положения проекта Брюссельской конвенции был дополнены и уточнены. Согласно Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. партизаны признавались в качестве «воюющих» при условии соблюдения четырех критериев: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Вопросы, касающиеся статуса партизан, с особой остротой встали в годы Второй мировой войны, а также в послевоенный период. При этом большинство советских юристов-международников придерживались позиции и критериев, содержащихся в Гаагской конвенции 1907 г., что в полной мере отвечало взглядам марксизма-ленинизма о партизанской войне. Западные же ученые долгое время отрицали возможность установления за партизанами статуса комбатанта. Так, немецкие ученые Г. Скупин и К. Дёринг критиковали даже саму возможность придать партизанам статус комбатанта. Их позиции разделяет видный американский юрист Ч. Хайд. В своей работе «Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки» (1953 г.) Хайд фактически ставит партизан в один ряд с лицами, занимающимися грабежом, разбоем и мародерством. Немецкий юрист Ф. Бербер также утверждал, что «большую часть партизан, действовавших во Второй мировой войне следует рассматривать как незаконных комбатантов», ввиду того, что они «объективно» не могли соблюдать законы и обычаи войны. Румынский ученый Е. Глазер, подтверждая, что партизаны являются «субъектом права войны», вместе с тем решительно отвергает необходимость соблюдения ими названных выше четырех критериев. Более того, правовое положение партизан, по его мнению, никак не связано с их принадлежностью к той или иной военной организации, а также с необходимостью открытого ношения оружия и отличительных знаков.

В тексте Женевских конвенций 1949 года данные четыре критерия были уточнены, а в некотором случае — их содержание было существенно видоизменено. Наибольшие споры вызвало понимание критерия «открытое ношение оружия». Еще А. И. Полторацк говорил о нелепости ситуации, когда партизан, следуя к месту взрыва, к примеру, моста, открыто несет взрывчатку, а затем закладывает ее на виду у военнослужащих оккупационных войск.

В ходе происходящей дискуссии на Дипломатической конференции 1974—1977 гг. было достигнута принципиально важная договоренность. Согласно пункту 3 статьи 44 Дополнительного протокола I «...комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения в то время, когда они участвуют в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению. Однако в связи с тем, что во время вооруженных конфликтов бывают такие ситуации, когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения, он сохраняет свой статус комбатанта при условии, что в таких ситуациях он открыто носит свое оружие: а) во время каждого военного столкновения; и б) в то время, когда он находится на виду у противника в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения, в котором он должен принять участие».

В настоящее время эксперты и юристы МККК (Я. Келленбергер, Н. Мельцер и др.) отмечают, что одним из ключевых критериев отнесения партизан и иных организованных вооруженных групп к числу комбатантов также является критерий «принадлежности» к стороне в конфликте. Это подтверждается и современной внутрисударственной судебной практикой (напр., решение Верховного суда Израиля 2006 г. о статусе участников независимых палестинских групп).

Таким образом, анализ эволюции правового статуса партизан свидетельствует о его значительном развитии — от формального признания законности партизанской войны до абсолютного признания партизан как комбатантов. В то же время требуют уточнения отдельные критерии, позволяющие отграничить партизан от наемников, террористов и иных лиц, не отнесенных международным правом к числу комбатантов.